

Особенности вторичной номинации в рассказах Л.Улицкой // Филологическая наука: диалог и сотрудничество: сборник трудов по мат.-лам VII Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 12-13 декабря 2014 г./ Моск.инст.открытого образования; редколл.: Л.В.Дудова (отв. ред.) [и др.]. – М: Флинта. Наука, 2015. – С. 321 – 324.

Трутько Виктория Вячеславовна
(Белорусский государственный
педагогический университет
имени Максима Танка)

Особенности вторичной номинации в рассказах Л.Улицкой.

Аннотация. Статья посвящена изучению возможностей стилистического и суггестивного потенциала вторичной номинации. В текстах рассказов Л.Улицкой система вторичных наименований оригинальна, экспрессивна и отражает идейно-символический план произведения, представляет собой текст в тексте, обеспечивая безусловное воздействие на читателя. Исследования вторичной номинации в произведениях талантливой писательницы дает возможность изучить механизмы формирования суггестии и использовать эти знания как при работе с художественным текстом, так и в коммуникации.

Ключевые слова: вторичные наименования, экспрессия, динамика образа.

Значимое личное имя персонажа – отражение в сжатом виде совокупности качеств, характеристик героя, воплощение его идейно-стилистического задания в данном тексте. Однако нестатичность художественного пространства, динамика внутренней экспрессии как основа, обязательная и ведущая черта текста, подразумевает динамику образа. Если говорить о компрессионном способе подачи информации, эта динамика выражается, прежде всего, во вторичном обозначении персонажа.

Безусловная значимость вторичной номинации как особого механизма концептуализации и репрезентации языковой картины мира носителей языка привлекает внимание исследователей и побуждает обращаться к текстам выдающихся художников слова, мастеров осмысленной, стилистически и эстетически обусловленной вторичной номинации. Тем более, что до сих пор недостаточно исследованными остаются формирование ассоциативно-смысловых парадигм вторичных наименований, механизм формирования и включения присущей им суггестии.

Так, одной из черт великолепной стилистической системы произведений Л.Улицкой, особенно, на наш взгляд, ее рассказов,

является использование богатого потенциала вторичной номинации. Возможности этого стилистического ресурса нашли свое применение в разных структурных формах и отражают концепцию произведений, основные грани авторского \square миров дения, а, главное, одушевленность бытия и движение духа простых и удивительных героев «малой» прозы.

Л.Улицкая в своих рассказах довольно часто и очень эффективно использует стилистический прием концентрированного введения вторичных наименований (ВН) в узкий контекст. Концентрация стилистической и семантической экспрессии обуславливается не только использованием двух и более номинатов однородного (синонимичного) или же, напротив, разнопланового характера, но и включением в окружающее их лексико-семантическое поле ряда однородных членов (чаще определений-эпитетов к данному вторичному наименованию), что позволяет автору обеспечивать формирование многоярусной гиперболы, усиливая суггестивный эффект при восприятии текста.

...неожиданно Сан Саныч, до того скромно любовавшийся этими облезлыми, ароматными, ветхими, геркулесовыми² дамами, девицами, старыми менадами, ангелами и ведьмами¹, Сан Саныч, скромно молчавший весь вечер, тихо произнес... [1; 86].

Из этого примера определенно видно, как концентрация вторичных наименований идет по двум направлениям: в первую очередь, это формирование атрибутивного представления² и после – формирование объектного представления¹. При этом двухъярусная гипербола является стилистически оригинальной и позволяет говорить о том, что писательнице принципиально дать цельную картину-образ. По классической формулировке, гипербола представлена рядом лексических единиц, в котором каждая последующая лексема усиливает экспрессивно-семантическую насыщенность предыдущей. В гиперболическом ряду вторичных наименований в нашем примере (рассказ «Гуля») характеристики представлены антонимичными по сути парами, каждая последующая лексема усиливает противоречивость и в то же время законченность выстраиваемого образа, и все это вместе увеличивает суггестию контекста.

Таким образом, если, например, у гениального мастера вторичной номинации, М.А.Булгакова, в повести «Собачье сердце», в романе «Мастер и Маргарита» чаще всего вторичные наименования

(обычно в авторском повествовании) являются сигналами некоего *одного, отдельного* этапа, знаком сформированности *определенной грани* структуры мыслеобраза, то в рассказе Людмилы Улицкой «Гуля» за вторичными наименованиями видится желание дать цельную картину, не часть, а комплекс знаний автора (или героя) о данном персонаже или персонажах.

Вера Александровна, полуродственница, полутень, папирсная бумага памяти и самое убедительное из имеющихся у Гули доказательств реальности ее собственной жизни [1; 84]. Так, еще в одном примере, предстает совокупность знаний автора о персонаже.

Следует отметить еще одну принципиальную особенность использования вторичных наименований Л.Улицкой. Если у М.А.Булгакова система вторичных наименований построена в одном ключе и в бессмертном романе, и в повести «Собаке сердце», то роль и характер вторичной номинации каждого отдельного рассказа у Л.Улицкой особенные, жестко обусловленные концепцией данного эпизода реальности.

Например, в упомянутом уже рассказе «Гуля» роль вторичных наименований явна: она манифестирована значимостью цельных характеристик, в которых автору необходимо представить динамику жизни, не описывая последовательность действий, дать цельный образ, чтобы затем эффектно включить его в ситуацию. Вера – полутень, ее старость логична, движения однотипны; и Гуля – **тоже стара!** На этом сделан акцент с помощью системы вторичных наименований. Это первая часть рассказа. А во второй части **старушка** Гуля – женщина-праздник с оригинальной логикой – неумоимо и весело подталкивает колесо своей судьбы. В парадигме стилистических приемов рассказа не только вторичные наименования (в том числе и метафоры), но и эпитеты, и сравнения.

Так и для важнейшей части Гулиного бытия, ее кровати, автор рассказа подыскивает ВН-метафору, обусловленную функционально-символическим наполнением, – **ладья**. Не стандартный образ «остановочного пункта», а образ динамичный, который оказывается в центре ярких символ-ситуаций.

Немытая посуда на столе стояла словно выстроенная для натюрморта, и Гуля, уперев подушку в изголовье ладьи, улыбалась. На этой ладье она, не знающая бессонницы и кошмаров, ежевечерне отправлялась в небесное плаванье... [1; 87-88].

...Гуля повлекла ничего не подозревающего, невинного, восторженного, совершенно уже обреченного Сан Саныча к причаленной своей ладье [1; 93].

И далее:

Ладья поплыла, и в этот момент Сан Саныч почувствовал, что все его дурацкие комплиментарные, извилистые и дохлые слова... – святая, истинная правда [1; 93].

Жизнь-фейерверк главной героини рассказа – в прошлом. Вояжи и ссылки, замужества и романы со знаменитыми героями эпохи...

Сегодня – запах бедности, грязь в ванной и сквозняки.

Но есть еще *ладья*, символ вечного и гармоничного движения, под обрывком лепнины на потолке... Настоящее великолепие – вечная и юная душа Гули, которая жаждет праздников. И тем притягивает к себе праздники.

Обращает на себя внимание фонетический рисунок, который обрамляет данное ВН:

...Гуля, уперев подушку в изголовье ладьи, улыбалась. На этой ладье она ... отправлялась в небесное плавание... ; ...Гуля повлекла ... к причаленной своей ладье; Ладья поплыла... .

С помощью аллитерации на Л/Л' автор вводит в парадигму реалистичных образов-мотивов (*плохонькая коробочка конфет, югославский шампунь, старые халаты, грязь в ванной* и многое другое) песенный, поэтический фонетический образ, за которым угадывается тонкая лиричность Вечного женского начала, поэзия праздника не сломленной никакими реалиями женской души, для которой состояние радости – это и есть состояние гармонии.

Таким образом, Л.Улицкая не просто вводит в контекст вторичные наименования, отдавая должное их яркой характеризующей функции, но работает над их движением в сюжете, над их «жизнью» в тексте.

А вот в рассказе «Бронька» система вторичных наименований, формирующих образ главной героини, достаточно лаконична. В большинстве случаев это «существо особенное» обозначено первым именем – Бронька. И только в конце рассказа встречаем это имя измененным, когда через много лет бывшая одноклассница и подруга (?) Ирочка (Ирина Михайловна), прощаясь, говорит ей: – *Спасибо тебе, Броня. Я опаздываю...* [1; 37].

Лишь один раз ее основное имя было изменено, и вторичное наименование, структурно представленное в виде обращения, дает

для идейно-смысловой структуры образа (образов!) больше, чем любой многословный описательный текст. Для того и нет других изменений имени, очевидно, чтобы это одно «сверкнуло» и выделило идею рассказа.

Главная героиня на протяжении всего рассказа – Бронька, дочь (4), мать (2), женщина (3)... Принимая первое имя как базовое, первичное, последующие (дочь, мать, женщина) следует считать повторными именами, то есть принадлежащими к системе повторной номинации (экспрессивно нейтральными).

Вторичные же наименования (их всего 15) дают нам не просто особый рисунок, но то, что мы можем назвать текстом в тексте. По вторичным наименованиям, как по символ-сигналам, мы можем прочесть всю семантику образа главной героини и ее идеи. Была она вначале *существом особенным, нездешним* [1; 23], потом жалели *дуреху Броньку* [1; 25], считали *шлюхой* (– *Шлюха ты, Бронька, шлюха!*... [1; 26]), *непутевой матерью* [1; 27], и вдруг, через годы, бывшая одноклассница замечает, что *она красавица...*», а *была замухрышка на тонких ножках...* [1; 30], что не мешает ей пытаться считать Броньку *сумасшедшей* [1; 34]. Характерно, что Бронька вначале, угадывая это, говорит, что она *не сумасшедшая* [1; 34], а вслед за этим признает: *Конечно, я сумасшедшая* [1; 34], вновь всплывает восприятие прошлой Броньки, от которого трудно благополучной Ирине отказаться и сейчас: *...у этой маленькой бывшей потаскушки, посмешища всего двора...* [1; 34], но кто-то видит ее иначе («*Душа моя, спасибо...*» [1; 36], и образ Броньки ломается в сознании изумленной Ирины Михайловны *Спасибо тебе, Броня...* [1; 37].

Ирине сложно отказываться от своих замерших представлений, которые у нее *плотны и тверды*. Ей проще посчитать Броньку сумасшедшей, чем изменить ее образ для себя (в себе). Однако именно вторичное наименование, представленное в виде обращения, показывает, что ломка в ней происходит и изменения материальны, вербальны. Ирина проговаривает их, а значит они состоялись.

Не все обращения относятся ко вторичным наименованиям. Но в данном случае включена потенциальная экспрессивность обращения, оно отражает экспрессию внутреннего конфликта, также, как предыдущее («*Душа моя, спасибо...*») – экспрессию согласия, и, противореча друг другу, они не просто служат сигналом для введения

основного сообщения, но сами по себе экспрессивно информативны, то есть по сути и являются сообщениями.

Таким образом, изучение системы вторичных наименований на конкретном материале позволяет утверждать, что этот сегмент социально-психологического мира человека должен быть изучен более широко и детально как в текстах гениальных мастеров слова, так и в рамках современного дискурса. Знание закономерностей функционирования системы вторичных наименований и умение оперировать ею позволит обеспечить потенциальную возможность целесообразного воздействия (суггестии) как на объекта и субъекта именования, так и на воспринимающих вторичное имя в процессе *именование* → *восприятие именования*.

Список литературы:

1. Улицкая, Л. Бедные, злые, любимые: Повести. Рассказы / Л.Улицкая. – М.: Изд-во Эксмо, 2004. – 384 с.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ